

Глава 4 (Часть 3)

Ей казалось, что она провалилась в бесконечно долгий, тягучий сон. Ей снились брат и отец: во сне брат повзрослел, а отец, напротив, постарел. Картинки детства сменялись сценами бегства; она видела, как тётушка из последних сил боролась за выживание и открыла Цзяофан-лоу, надеясь отыскать главу семьи. Видела, как та собирала под своё крыло обездоленных девочек из несчастных семей.

Никто вокруг не верил, что обитательницы терема чисты душой и телом. Никто не желал признавать в них дочерей из благородных домов. Горожане осыпали их бранью, презирали, но тётушка ради своих воспитанниц готова была выйти на площадь и во весь голос честить обидчиков. Она нажила немало врагов, защищая их, и радовалась, как родная мать, когда выдавала девушек замуж за достойных людей. Тётушка никогда и ни в чём их не обделяла. Им и впрямь несказанно повезло.

Но в этом сне зияло огромное белое пятно. Суй Инь не понимала, что именно там скрыто. Она знала лишь одно: она сама набросила петлю на балку в своей комнате. Но кто толкнул её на это? Кто стал причиной?

Память упорно отказывалась воскрешать лицо виновного.

«Раз не можешь вспомнить — не пытайся. Разве забыть — это плохо? Боль и страдание ушли, стёрлись... Разве это не благо?»

«Кто же это был?»

«А так ли это важно?»

«Ну... не знаю».

«Суй Инь».

«А?»

«Тебе пора просыпаться».

«Просыпаться? Но я ведь всё время...»

...

Суй Инь открыла глаза. Сон стоял перед взором удивительно чётко, словно отпечатался на

обратной стороне век.

— Не помнить боли, не помнить муки... — Она невольно улыбнулась. — Да, так и впрямь лучше.

Девушка огляделась и пару раз моргнула. В комнате никого не было, хотя, судя по всему, люди ушли лишь мгновение назад. На столе дымилась чаша с грушевым супом и серебрястыми древесными грибами, а рядом стояло блюдо с...

— Это что, кунжутные лепешки?!

В одной лишь нижней рубашке Суй Инь подскочила к столу. На подносе лежали румяные, щедро посыпанные чёрным и белым кунжутом изделия. Самые что ни на есть настоящие хрустящие лепёшки! Все лучшие воспоминания детства были неразрывно связаны с этим лакомством, которое тогда удавалось попробовать так редко.

Она опасливо оглянулась. Никого! Отлично! Схватив одну, Суй Инь с наслаждением откусила кусок.

М-м-м! Начинка из тростникового сахара! Божественно!

Наполнив рот, она даже не решалась жевать — ждала, пока сладость сама растает на языке, и лишь затем принялась за вторую порцию. Для взрослого человека лепешка невелика, и как бы медленно Суй Инь ни старалась её смаковать, та быстро закончилась. Снова осторожный взгляд по сторонам. Пусто! Прекрасно! Девушка схватила вторую и жадно вгрызлась в неё. А эта с корицей и османтусом! С ума сойти, как вкусно!

От переполнившего её счастья Суй Инь едва не замурлыкала.

— Пфф... Ха-ха-ха!

Взрыв смеха со стороны двери заставил девушку вздрогнуть. Словно напуганный зверёк, Суй Инь мгновенно нырнула под стол. В обеих руках она сжимала недоеденную лепешку и, вытаращив глаза, уставилась на Суй Юйлань, которая буквально сползала по косяку от хохота. Суй Инь смотрела на неё круглыми грозными глазами, словно говоря: «Моё! Не отдам! Не смей отнимать!»

Увидев это, Суй Юйлань расхохоталась ещё сильнее и осела прямо на пол.

— Ой, не могу! Уморила! Какая прелесть, просто загляденье! Ну вылитая моя госпожа! Ох, всё, не могу больше... живот свело!

— Матушка, что с вами? — Хай Янь поспешила на помощь, пытаясь поднять женщину. Та лишь

трясущимся пальцем указывала внутрь комнаты. Заглянув за порог, Хай Янь тоже прыснула.

Ну кто бы мог подумать, что эта маленькая «мышка», перепачканная крошками под столом — та самая её старшая сестра, искусная в музыке, живописи и каллиграфии? Неужто она способна на такое?

— И что тут смешного! — Суй Инь наконец пришла в себя и выбралась из своего укрытия. Хмуро глянув на смеющихся, она принялась молча вытирать лицо, сокрушаясь про себя о том, как же живучи старые привычки.

А привычка эта тянулась из далёкого прошлого. В их семье кунжутные лепешки пекли лишь по особым случаям: на большие праздники или в дни поминовения предков. Лепешки обычно служили подношением на алтаре, и маленькая Суй Инь частенько забиралась под поминальный стол, чтобы втихаря их таскать. Старики поговаривали, что детям подношения приносят удачу, поэтому её никто не ругал. Но сама девочка страшно боялась нотаций взрослых, а потому всякий раз вела себя как воришка-грызун, не подозревая, что её непутевые родители и брат уже давно покатываются со смеху за дверью.

— И то верно, ничего смешного! — подал голос Ю-шицзы, хотя он едва сдерживал улыбку.

— Ты?.. — Суй Инь нахмурилась, глядя на него. Почему он так похож на её брата из сна?

— Наньнань, я твой брат. Неужто не помнишь? Вчера ведь узнала! — Лицо Ю-шицзы приняло такое скорбное выражение, будто ему нанесли смертельную обиду. Сестра проснулась и снова его забыла!

— А! — Суй Инь растерянно потерла лоб. — Значит, это был не сон? Ты и отец и впрямь нашли меня?

Ю-шицзы смотрел, как она потирает голову. Без белил и пудры её лицо казалось бледным, но светилось юной свежестью, а на щеке всё ещё виднелась не до конца стёртая крошка. Такая простодушная, такая забавная... Ну кто это, если не его Наньнань!

— Наньнань, это я, твой брат. Помнишь? Тебе пришлось столько перенести... Прости меня! Прости!

Он шагнул вперёд и крепко обнял её. Суй Инь уткнулась ему в грудь. Объятия были чужими, но в то же время удивительно знакомыми. В носу защипало. Совсем как в детстве: когда её кто-то обижал или когда становилось горько, стоило лишь позвать брата — и он тут же заступался, защищал, разгоняя любые страхи.

— Брат... — прошептала она, шмыгая носом.

— Я здесь!

— Брат!

— Здесь я, родная.

Она звала, а он откликнулся, словно пытаясь наверстать те долгие десять лет разлуки.

Три дня спустя из столицы вернулся Цзун-цинъван. С собой он привёз императорский указ: Ци Суй Инь (императорская фамилия Ци) была удостоена титула благородной госпожи первого ранга с почётным именем Иань! Её покойная мать также была посмертно удостоена титула княгини.

В империи Великая Шэн титул «гуйчжу» — благородная госпожа — занимал промежуточное положение между принцессой и титулованной княжной. Казалось бы, Суй Инь, дочь Цзун-цинъвана и двоюродная сестра нынешнего императора, вполне могла претендовать на статус принцессы. Однако за эти годы её репутация в народе изрядно пострадала, а сам Цзун-цинъван выказал намерение окончательно отойти от придворных дел. Когда гражданские чиновники начали яростно протестовать против её возвышения, император пошёл на компромисс: он не дал ей титул принцессы, но, желая щелкнуть по носу заносчивых министров, возвёл её в высший первый ранг и лично даровал имя!

Стоит заметить, что в истории империи титул принцессы редко поднимался выше второго ранга. Даже ныне живущие дочери императора, отправляемые в другие страны для укрепления союзов, едва достигали этого уровня. Большинство же принцесс и княжон довольствовались рангами с третьего по седьмой. И тут — благородная госпожа первого ранга! Это ли не пощёчина всем высокородным дочерям правящего дома?

Более того, подобные имена обычно даровали вдова-императрица или законная супруга монарха. То, что император сделал это сам, заставило многих по-новому взглянуть на влияние ветви Цзун-цинъвана.

Сам же князь нимало не заботился о дворцовых сплетнях. Приняв указ, он во весь опор помчался обратно. Сейчас для него не было ничего важнее собственной дочери.

Воссоединившись с Суй Инь, Цзун-цинъван первым делом попытался одарить Суй Юйлань несметным богатством в знак благодарности за спасение и воспитание дочери. Но та наотрез отказалась.

— Ваше Высочество, если бы не княгиня, Юйлань давно бы уже не было в живых. Она не погнушалась моим низким происхождением, назвала сестрой и дала свою фамилию. Я и так

виновата перед госпожой: не уберегла её, едва не дала оборваться её жизни... Как я могу принять это золото?!

Суй Юйлань не смела упоминать о причине попытки самоубийства Суй Инь. Раз уж та сама ничего не помнила, все в один голос решили, что ворошить это гнилое прошлое незачем — не хватало ещё снова довести её до отчаяния.

— Дела в этом тереме совсем не такие грязные, как шепчутся за углами. Мы открывали чайную, но кто же знал, во что это превратится... Впрочем, на ночь мы здесь никого никогда не оставляли. Надеюсь на ваше понимание, Ваше Высочество.

Цзун-цинъван лишь кивнул. Он прекрасно понимал, на какие жертвы приходится идти одиноким женщинам, чтобы выжить. Главное, что дочь теперь рядом и с ней всё в порядке.

Суй Юйлань когда-то была продана в весёлый квартал. После нескольких попыток побега её жестоко избивали и опаивали зельями. Она уже готова была свести счёты с жизнью, бросившись в реку, но её спасла покойная княгиня. Она дала ей имя и кров. Из-за былых истязаний Юйлань не могла иметь детей и не чаяла выйти замуж, а потому решила посвятить жизнь служению госпоже. Во время нападения она до последнего гнала лошадей, пытаясь спасти семью, но уберечь удалось лишь маленькую Суй Инь. В те годы Цзун-цинъван скрывал своё происхождение под личиной богатого купца, и Юйлань не знала, что он из императорского рода. Первое время она пыталась искать его, но тщетно. Оказавшись в тупике, она открыла Цзяофан-лоу — так звали княгиню в детстве, — надеясь, что название привлечёт внимание, но в итоге заведение по ошибке приняли за бордель.

Выслушав эту историю, Суй Инь пообещала, что в старости будет заботиться о Суй Юйлань как о родной матери. Что же до её названных сестёр из терема, то для неё ничего не изменилось: княжна она или простая девица, они оставались семьёй.

Вскоре Цзяофан-лоу переехал в оживлённый квартал и сменил вывеску на «Трактир семьи Суй». Состав остался прежним: те же сестры, служанки и слуги. Вот только теперь выяснилось, что девицы, которых все считали куртизанками, куда лучше танцев и игры на цине смыслят в ведении счетов и кулинарном искусстве. Весь Город Юйлин так и ахнул: оказалось, девицы из терема не ломались, а просто-напросто были дочерьми из приличных семей и блюли честь!

Суй Инь, ставшая теперь благородной госпожой Иань, целыми днями изнывала от безделья: то с собаками забавлялась, то кошек дразнила. Изредка заглядывала в трактир, а в остальное время, взяв служанок, отправлялась бродить по улицам города, который за столько лет толком и не видела.

— Госпожа, мы зашли слишком далеко, в какие-то трущобы. Давайте вернёмся, — Дун Сян с тревогой оглядывалась по сторонам.

— И впрямь, госпожа Иань, здесь беспокойно. Пойдёмте назад, — вторила ей Цю Лянь.

— Мне кажется... я здесь уже была... — Суй Инь остановилась посреди переуллка Пинъань.

Ей почудилось, будто кто-то зовёт её, манит за собой. Она сделала шаг.

— Пройдём ещё немного...

В душе шевельнулся липкий страх, но ноги, словно во сне, сами несли её вперёд.

Янь Ели провела пальцами по поверхности воды в хрустальной чаше. На водной глади отражалась фигура Суй Инь.

— Иди ко мне... вот так, ещё немного... — Янь Ели хищно и лукаво усмехнулась. — Тебе не вырваться из моих сетей.

Суй Инь уже видела перед собой Яньчжи-лоу. Здание казалось до боли знакомым, она определённо здесь бывала. Стоило ей занести ногу над порогом, как...

— Госпожа.

На втором этаже Суи-часы в распахнутом окне сидел человек. Красотой он напоминал оборотня из сказок — тех, что крадут чужую кожу, но он был во сто крат великолепнее любого демона. От такого зрелища невозможно было отвести взгляд. Незнакомец сидел на подоконнике и, одарив Суй Инь едва заметной улыбкой, произнёс:

— Зайдите, выпейте чаю.

Она словно очнулась, замороженная этой неземной красотой. Люди всегда тянутся к прекрасному, и неважно, мужчина это или женщина.

— Хорошо, — кивнула Суй Инь и, развернувшись, направилась к дверям чайной.

Хрясь!

Янь Ели в ярости уставилась на хрустальную чашу — та разлетелась вдребезги!

Вода ручьями потекла по полу. Опять! Кто посмел разрушить её чары?!

<http://bllate.org/book/17533/1700689>